
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Лера Рун
Сделка с конкурентом

https://litres.ru/75040427
SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Соколова и Марк Логинов два года делили рынок EdTech: обменивались шпильками в прессе, переманивали друг у друга сотрудников и искренне желали друг другу банкротства. Ровно до тех пор, пока на горизонте не замаячил стомиллионный грант от старого миллиардера. Условие фонда простое: деньги достанутся не врагам-одиночкам, а партнёрам с крепкими семейными ценностями.

Так у них появляется один контракт на полгода: публичный роман, совместный лофт и улыбки перед камерами. Главное правило — никакой романтики, только бизнес. Но чем больше постановочных объятий, тем тоньше грань между холодной игрой и настоящей страстью. А когда фиктивная сделка всплывает в прессе, а главный конкурент начинает шантажировать обоих, оказывается, что предать друг друга куда проще — и куда страшнее, чем признаться в любви.

Содержание

Глава 1 5
Битва за куш 5
Глава 2 15
Пакт о ненападении 15
Глава 3 26
Общий периметр 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Лера Алма Рун
Сделка с конкурентом

Все события, персонажи, организации и названия в книге вымышлены. Любые совпадения с реально существующими людьми, компаниями и событиями случайны.

Глава 1

Битва за куш

Кофе в пластиковом стаканчике остыл еще сорок минут назад и покрылся неприятной маслянистой пленкой, но я продолжала сжимать его пальцами так сильно, что картон жалобно хрустел.

Семидесятый этаж башни «Меридиан». За панорамными стеклами Москва утопала в промозглом ноябрьском смоге, а здесь, в стерильной тишине зоны ожидания штаб-квартиры фонда «Наследие», воздух казался наэлектризованным до предела. Пахло дорогим парфюмом, полированным деревом и чужим запредельным успехом.

Я бросила взгляд на экран смартфона. Банковское приложение безжалостно высветило остаток на расчетном счете компании: цифры стремительно таяли. Денег оставалось ровно на одну выплату зарплаты команде. Если сегодня я выйду из переговорной без подписанного соглашения, через тридцать дней моя образовательная платформа «Просвет» станет банкротом. Три года работы по восемнадцать часов в сутки, заложенная родительская квартира, бессонные ночи, сотни вызубренных строчек программного кода — все пойдет прахом.

— Нервничаешь, Соколова? — сбоку раздался бархатный, безошибочно узнаваемый голос, от которого у меня мгновенно свело челюсти. — Не стоит так терзать стаканчик. Твои презентационные слайды выглядели вполне невинно. Для школьного кружка программирования — твердая четверка.

Я медленно повернула голову.

Марк Логинов. Мой персональный кошмар последних двух лет, основатель конкурирующего сервиса «Актив» и человек, ради краха которого я была готова работать без выходных до конца жизни.

Он выглядел возмутительно спокойным. Идеально скроенный темно-серый костюм-тройка сидел безупречно, подчеркивая широкие плечи и хищную легкость движений. Белоснежная рубашка без галстука, верхняя пуговица нарочито расстегнута, взгляд темно-карих глаз — насмешливый и колючий. Темные волосы лежали в идеальном беспорядке, на четко очерченных скулах темнела аккуратная суточная щетина.

— Твоя самоуверенность, Логинов, бежит впереди твоей конверсии, — холодно отозвалась я, выпрямляя спину и мысленно благодаря себя за строгий кремовый костюм и шпильки, добавлявшие мне недостающие сантиметры. — Судя по тому, как у тебя дергается левый глаз, инвесторы не слишком оценили твою идею сжигать бюджеты на пустую рекламу у блогеров.

Марк усмехнулся и шагнул ближе. От него пахло морозным воздухом, горьким табаком и дорогим кедровым одеколоном.

— Мой глаз дергается исключительно от твоего напускного усердия, Алина. Ты снова пыталась продать Самойлову сказку о бескорыстном просвещении масс? Виктор Андреевич — волк советской закалки. Ему плевать на твои розовые единороги. Ему нужны жесткие метрики возврата капитала. А они у «Актива» выше на восемнадцать процентов.

— Были выше в прошлом квартале, пока у вас не посыпались серверы из-за кривого бэкенда, — парировала я, глядя в упор в его наглые глаза. — Ты перекупаешь разработчиков, но не умеешь ими управлять. Ты — мыльный пузырь, Марк. И сегодня Самойлов просто ткнет в тебя иголкой.

Логинов едва заметно прищурился. На долю секунды в его взгляде мелькнуло что-то острое, почти злое, но маска ироничного циника мгновенно вернулась на место. Он наклонился чуть ближе и понизил голос:

— Если я пузырь, Соколова, то ты — тонущий плот. И когда я лопну, волна тебя просто перевернет.

— Госпожа Соколова, господин Логинов, — раздался строгий голос секретаря у дубовых дверей кабинета. — Виктор Андреевич просит вас зайти. Совместно.

Я вздрогнула. Совместно? Такого не было в регламенте. Питчинги всегда проходили один на один. Я бросила быстрый взгляд на Марка: его пальцы на миг замерли, поправляя

запонку, и в этом мимолетном жесте я уловила тщательно спрятанное напряжение.

Мы вошли в огромный кабинет. За монументальным столом из мореного дуба сидел Виктор Самойлов — человек, чье состояние оценивалось в девятизначную сумму. Седой, плотный, с тяжелым взглядом из-под кустистых бровей, он напоминал старого генерала, решающего судьбу дивизии. Перед ним лежали две открытые папки с финансовыми отчетами: синяя — «Просвет», черная — «Актив».

По правую руку от Самойлова вальяжно развалился в кожаном кресле Вадим Корнилов — владелец гигантского холдинга «МедиаГрупп». Лощеный сорокалетний хищник с холодными водянистыми глазами и идеальной виниловой улыбкой крутил в пальцах золотую ручку, скользнув по мне сальным, оценивающим взглядом.

— Проходите, молодежь. Присаживайтесь, — глухим басом произнес Самойлов, не поднимая головы от бумаг.

Я села, стараясь дышать ровно. Марк опустился рядом. Нас разделяли считанные сантиметры, и я буквально кожей чувствовала жар, исходивший от его плеча.

— Я внимательно изучил ваши доклады, — Самойлов наконец захлопнул обе папки с сухим стуком. — Талантливо. Оба продукта сильные. Вы, Алина Дмитриевна, создали великолепную методологию. Ваши курсы действительно учат, процент доходимости студентов феноменальный. Но у вас нет масштаба и финансовой подушки. Вы задыхаетесь без

оборотного капитала.

У меня в горле пересохло. Я сжала руки в замок под столом, пряча дрожь в пальцах.

— А вы, Марк Игоревич, — старик перевел тяжелый взгляд на Логинова, — прекрасный маркетолог. Вы агрессивно захватываете долю рынка. Но продукт у вас сырой, а отток клиентов катастрофический. Вы тратите больше, чем зарабатываете, пытаясь удержать красивый фасад.

Я украдкой взглянула на профиль Марка. Его желваки проступили так, что стали видны даже под щетиной. Значит, слухи в кулуарах не врали: «Актив» сидел в глубокой финансовой яме, прикрываясь блестящими отчетами для прессы.

— Виктор Андреевич, — мягко, с ноткой снисходительного превосходства, вмешался Корнилов, подавшись вперед. — Именно об этом я вам и говорил. Эти стартапы — дети в песочнице. Они бьют друг друга совками по голове, сжигая миллионы инвесторских денег в бессмысленной войне за трафик. Мое предложение остается в силе: мой холдинг готов поглотить обе платформы оптом. Мы оптимизируем штат, уберем дублирующие функции, сократим восемьдесят процентов затрат и сделаем из этого стандартный конвейер. Чистый бизнес.

«Сократим восемьдесят процентов затрат» означало уволить мою команду, создававшую алгоритмы с нуля, и выкинуть саму меня из проекта. Внутри закипела глухая ярость.

— Наше образование — не конвейер, Вадим Сергеевич,

— твердо произнесла я, глядя Корнилову прямо в глаза. — За каждым нашим курсом стоит индивидуальная траектория развития ребенка. Если превратить это в фабрику штамповки дипломов, вы убьете саму суть платформы.

— Суть платформы, милая девушка, — это прибыль, — усмехнулся Корнилов. — А вы через месяц не сможете оплатить хостинг.

Марк внезапно подался вперед и положил ладонь на полированный стол:

— «Актив» не продается корпоративным стервятникам, Корнилов. Даже если вы предложите вдвое больше реальной оценки. Ваша экосистема — кладбище купленных стартапов, которые вы задушили ради монополии.

Самойлов поднял ладонь, обрывая перепалку. В кабинете снова повисла гулкая тишина. Миллиардер снял очки, медленно протер стекла шелковым платком и посмотрел на нас обоих.

— Грант фонда «Наследие» составляет сто миллионов рублей, — спокойно сказал старик. — Для меня это не просто строка в портфеле. Я выделил эти деньги под программу развития молодежного предпринимательства. Но я сыт по горло инфантильными войнами эго. Мне надоело смотреть, как два талантливых лидера тратят жизненные силы на судебные иски по товарным знакам и взаимные оскорбления в телеграм-каналах.

Он сделал паузу, обводя нас тяжелым взглядом.

— Мой фонд всегда поддерживал и будет поддерживать традиционные, фундаментальные ценности. Я верю в преемственность. Я верю, что долгосрочный, социально ответственный бизнес способны строить только зрелые, взрослые люди. Люди, умеющие находить компромисс, строить партнерство и создавать семью, а не разрушать все вокруг ради сиюминутной славы. Корнилов предлагает мне понятную, хоть и циничную схему. Вы же предлагаете мне финансировать войну на истощение.

— Мы способны выстроить независимую стратегию развития, — быстро вставила я. — Нам нужно только...

— Вам нужна синергия, Алина Дмитриевна, — отрезал Самойлов. — Если бы алгоритмы «Просвета» соединились с агрессивным маркетингом «Актива», вы бы стали национальным лидером за полгода. Если бы за этим стоял единый центр принятия решений, союз двух сильных лидеров, скрепленный не бумажками, а общим будущим... Тогда я не задумываясь отдал бы вам эти сто миллионов. А пока... пока проект Корнилова выглядит менее рискованным.

Я похолодела. Приговор. Вежливый, упакованный в морализаторство старика-миллиардера, но абсолютно смертельный. Самойлов не просто отказывал — он открыто толкал нас в пасть Корнилову.

— У вас есть сорок восемь часов, — добавил Самойлов, поднимаясь из-за стола и давая понять, что аудиенция окончена. — В пятницу в полдень я подписываю меморандум с

победителем. Если вы не докажете мне, что способны действовать как единое целое — с общими ценностями и долгосрочной стабильностью, — грант уходит холдингу Корнилова. Всего доброго.

Лифт стремительно падал вниз. Цифровое табло отсчитывало этажи: 65... 50... 35...

В зеркальной кабине мы были вдвоем. Я стояла, прижавшись спиной к поручню, и смотрела прямо перед собой. Дыхание сбивалось. Сорок восемь часов. Через сорок восемь часов моя компания перестанет существовать. Мне придется собрать ребят в опенспейсе — верных, преданных программистов, методистов, дизайнеров, которые верили мне и отказывались от офферов крупных корпораций, — и сказать им, что все кончено.

— Довольна? — глухо бросил Марк, глядя на мое отражение в зеркале.

Он стоял, сунув руки в карманы брюк; галстук так и остался забытым, а в глазах полыхала глухая, темная ярость.

— Чем я должна быть довольна, Логинов?! — я сорвалась и резко повернулась к нему. Голос дрогнул, но я тут же взяла себя в руки. — Тем, что ты не смог удержать свои финансовые дыры в секрете? Если бы Самойлов не увидел твой позорный кассовый разрыв...

— Мой кассовый разрыв?! — Марк шагнул ко мне, нависая. Пространство между нами сжалось до опасного минимума. — Если бы ты не строила из себя святую мучени-

цу с горящими глазами, выпрашивая копейки на «великую миссию», он бы воспринял нас всерьез! Ты утопила питчинг своей унылой дидактикой!

— Я защищала свой продукт! Продукт, который работает, в отличие от твоего пустого хайпа!

— И где теперь твой работающий продукт, Соколова?! — рявкнул он, ударив ладонью по зеркальной стене рядом с моей головой. Я даже не вздрогнула, упрямо вскинув подбородок. — Через два дня Корнилов сожрет нас обоих. Тебя выбросят на улицу, а из моей платформы сделают помойку для платной рекламы онлайн-казино! Ты этого хотела?!

Лифт с мягким шелестом затормозил на первом этаже. Двери разъехались, открыв залитый холодным светом мраморный вестибюль.

Мы тяжело дышали, глядя друг другу в глаза. Враги. Соперники, ненавидевшие каждую строчку кода конкурента.

Я сделала шаг к выходу, но Марк внезапно перехватил меня за запястье. Его пальцы были горячими, хватка — железной, но не причиняющей боли.

— Пусти, — процедила я сквозь зубы.

— Постой. — Его голос резко изменился. Ярость никуда не ушла, но сквозь нее проступил холодный, пугающий расчет шахматиста, который только что увидел самоубийственный — и единственный — выигрышный ход. — Ты слышала, что сказал старик?

— Он сказал, что мы оба незрелые неудачники.

— Нет, Соколова, — Марк медленно разжал пальцы, но взгляда не отвел. В глубине его темных глаз вспыхнул опасный, лихорадочный огонек. — Он сказал, что отдаст сто миллионов только тем, кто покажет ему союз двух лидеров. С общими ценностями. Скрепленный семьей.

Я замерла, медленно осознавая безумие, прозвучавшее в его словах.

— Ты с ума сошел?

— В восемь вечера. Бар «Иллюзия» на набережной, — отчеканил Марк, поправляя пиджак и отступая на шаг. — Будь там одна. Либо ты выслушаешь меня, либо в пятницу начнешь паковать коробки в своем офисе. Выбирай.

Он развернулся и зашагал к выходу, оставляя меня одну посреди сияющего мрамора вестибюля — с бешено стучащим в висках пульсом.

Глава 2

Пакт о ненападении

Питчинг был в среду, а до пятницы, до точки невозврата, оставалось меньше сорока восьми часов. Поэтому когда в восемь вечера я толкнула тяжелую дубовую дверь бара «Иллюзия», внутри у меня все еще дрожало от того, что произошло в лифте «Меридиана».

Бар прятался в глубине гранитной набережной, маскируясь под закрытый полуподвальный клуб без ярких вывесок: матовое стекло, приглушенный теплый свет, рассеивающийся в клубах пара от кофемашины и дорогого кальянного табака. Место славилось двумя вещами — превосходным односолодовым виски и абсолютной конфиденциальностью. Здесь заключались сделки, о которых никогда не писали в деловых ведомостях, и разбивались союзы, стоившие миллиарды.

Я сбросила на руки гардеробщику мокрое от мелкого ноябрьского дождя пальто, оправила лацканы жакета и скользнула взглядом по залу.

Марк уже ждал меня в самом дальнем углу, за столиком у кирпичной кладки, скрытым от посторонних глаз массивной кадкой с раскидистым фикусом. Он снял пиджак, небрежно

бросив его на спинку кожаного дивана, закатал рукава рубашки до предплечий, обнажая сухие рельефные мышцы и тонкую полоску шрама на правом запястье. Перед ним стоял бокал с бурбоном, к которому он даже не притронулся, и раскрытый ноутбук. Рядом лежала толстая стопка свежераспечатанных листов, скрепленных металлическим зажимом.

Когда я подошла, он не встал с галантной улыбкой — лишь медленно поднял глаза. Темные, жесткие, сканирующие, словно за эти часы он успел переписать весь алгоритм своего существования.

— Пунктуально, Соколова, — негромко произнес он, кивком указывая на кресло напротив. — Ценю в людях страх перед неминуемой гибелью. Он отлично дисциплинирует.

— Твои комплименты с каждым днем становятся все изысканнее, Логинов, — процедила я, опускаясь в кресло. Официант бесшумно возник рядом, но я лишь махнула рукой: — Двойной эспрессо. Без сахара.

Подождав, пока официант отойдет на безопасное расстояние, я скрестила руки на груди и подалась вперед:

— У тебя ровно пятнадцать минут, чтобы объяснить, зачем ты вытащил меня сюда в дождь. И если твоя гениальная идея заключается в том бреде, на который ты намекнул в лифте, я просто встану и уйду.

— Не уйдешь, — спокойно парировал Марк. Он пододвинул ко мне стопку бумаг. — Потому что на первой странице лежит финансовый аудит твоей компании. У тебя дыра в

тридцать два миллиона рублей, Алина. Команда не видела премий с августа. Серверные мощности арендованы в долг под гарантийное письмо, срок которого истекает через три недели. Твой «Просвет» уже не просто тонет — он лежит на дне и пускает пузыри.

Меня словно хлестнули наотмашь. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти больно впились в ладони.

— Откуда у тебя эти цифры? Ты шпионил за мной?

— Я умею анализировать открытые источники и сопоставлять данные, — холодно отозвался он. — Но не строй из себя невинную жертву. Хочешь взглянуть на отчет по «Активу»? Пожалуйста. — Он развернул ко мне экран ноутбука. — Кассовый разрыв — сорок пять миллионов. Маркетинговые затраты сожгли весь операционный плюс. Мы оба в дерьме, Алина. По самые брови. Разница лишь в том, что ты прикрываешь свою агонию моралью, а я — красивыми графиками для инвесторов.

— И что ты предлагаешь? — мой голос дрогнул, но я мгновенно вернула ему ледяную твердость. — Обнять друг друга и вместе прыгнуть с моста?

— Я предлагаю забрать сто миллионов Самойлова, — Марк заговорил тише, но каждое его слово падало весомо, словно свинцовая дробь. — Виктор Андреевич — старовер от венчурного бизнеса. Он создал империю в девяностые и рано, несправедливо потерял старшего сына. С тех пор для него нет святыни важнее института семьи и преемственно-

сти: бизнес — это продолжение рода. Он презирает одиночек-карьеристов. Ему противен Корнилов с его тремя разводами и армией любовниц. Но Корнилов дает цифры. А мы с тобой поодиночке даем только скандалы в прессе и взаимные судебные претензии.

— Ближе к делу, Логинов.

Марк сделал глоток виски, не сводя с меня немигающего взгляда.

— Мы объявляем о слиянии наших платформ на базе нового юридического лица. И объявляем о том, что это слияние — прямое следствие нашего личного союза. Мы полгода скрывали роман, чтобы избежать давления рынка. Мы планируем свадьбу. Мы — будущая династия, социально ответственные партнеры, готовые положить жизнь на развитие детского образования в стране. Идеальная картинка для фонда «Наследие».

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри нарастает волна дикого, нелепого смеха пополам с яростью.

— Ты рехнулся. Окончательно потерял связь с реальностью. Мы два года публично поливаем друг друга грязью! В прошлом марте ты украл у меня трех ведущих методистов, переманив их двойным окладом!

— Бизнес, ничего личного, — ровно вставил Марк.

— А в ноябре твои боты обрушили нам рейтинг в App Store фальшивыми отзывами! Я подавала на тебя в суд по антимонопольной статье! Какая свадьба, Логинов?! Нас за-

смеет весь венчурный рынок! Самойлов не идиот, его служба безопасности проверит нас за двадцать четыре часа и вышвырнет с волчьим билетом!

— Служба безопасности проверит ровно то, что мы ей скормим, — Марк перегнулся через стол, сокращая дистанцию. В полумраке бара его глаза казались абсолютно черными…— Служба безопасности проверит ровно то, что мы ей скормим, — Марк перегнулся через стол, сокращая дистанцию. В полумраке бара его глаза казались абсолютно черными. — Страсть, родившаяся из конкуренции. Классический сюжет. Враги, которые не смогли противостоять влечению. Публика обожает такое дерьмо, Алина. Инвесторы — тоже люди, они ведутся на эмоции куда сильнее, чем на сухие таблицы. Что касается суда — заберешь иск завтра утром в связи с «досудебным урегулированием конфликта». Это только подогреет слухи.

— Нет, — отрезала я, резко поднимаясь. — Я не буду торговать собой. Я не стану частью твоего цирка. Я найду другие деньги. Возьму кредит под залог...

— Под залог чего?! — Марк вскочил следом. Его голос хлестнул меня, заставив замереть на месте. — Квартиры родителей, которую ты уже заложила два месяца назад в банке второго эшелона под грабительский процент?! Думаешь, я не знаю?!

Я застыла, побледнев так, что темные круги под глазами от недосыпа стали казаться почти синими. Воздух застрял в

легких.

— Ты... мерзавец.

— Я реалист, — жестко произнес он, обходя стол и вставая прямо передо мной. Он был на голову выше, шире в плечах, от него веяло опасной, подавляющей силой. Но в его взгляде не было глумления — только холодная, отчаянная решимость загнанного в угол хищника. — Если в пятницу грант заберет Корнилов, в понедельник твоих разработчиков выставят на улицу с выходным пособием в размере одного оклада. Твою платформу распилят на запчасти. А банк придет к твоей матери описывать трешку в спальном районе. Ты этого хочешь ради своей дурацкой гордости?

Я судорожно вздохнула. В глазах защипало, но я усилием воли загнала непрошеные слезы обратно. Я не позволю ему увидеть меня слабой. Никогда.

— А что будет с тобой, если грант заберет Корнилов? — тихо, с ядовитой отчетливостью спросила я. — Давай, Логинов. Скажи правду. Хоть раз в жизни.

Марк на миг сжал челюсти так, что скрипнули зубы. В его глазах мелькнула тень — глубокая, застарелая, которую он обычно прятал за безупречными костюмами и наглыми усмешками.

— У меня обязательства перед частными кредиторами. Не банками — с банками судятся. С этими не судятся, — глухо ответил он. — Если я упаду, я потяну за собой не только компанию. Так что мы в одной лодке, Соколова. Нравится

тебе это или нет.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Официант беззвучно поставил на край стола чашку эспрессо и исчез. Музыка в баре играла едва слышно, разбиваясь о напряжение, повисшее между нами.

Я медленно опустилась обратно в кресло. Руки слегка дрожали, но я положила их на колени, расправляя ткань юбки.

— Условия, — выдохнула я.

Марк выдохнул — едва заметно, словно с его плеч свалилась неподъемная глыба, — и сел напротив. Он пододвинул ко мне стопку бумаг и положил сверху тяжелую перьевую ручку.

— Соглашение о намерениях и партнерстве. Составлено моим личным юристом два часа назад. Пункт первый: создается управляющая компания с долями пятьдесят на пятьдесят. Грант Самойлова в сто миллионов делится строго пополам для закрытия текущих обязательств обеих платформ.

— Исходный код «Просвета» остается неприкосновенным, — перебила я, беря в руки документ. — Твои люди не имеют доступа к архитектуре нашей нейросети. Мы интегрируем только интерфейсы и пользовательские базы. Если сделка сорвется — базы аннулируются, никакого обмена данными.

— Принимается. И зеркально, — без колебаний кивнул Марк. — Ваша команда не получает доступ к архитектуре

рекомендательного движка «Актива». Неприкосновенность — обоюдная. Пункт второй: публичность. Мы играем пару. Убедительно, без проколов. Совместные выходы, интервью, ужины с Самойловым и его супругой. Никаких любовников, никаких интрижек на стороне на весь период действия контракта. Любой скандал в желтой прессе обнуляет соглашение с выплатой неустойки виновной стороной.

— Сколько длится этот цирк?

— Шесть месяцев. Ровно столько требует регламент фонда для первого транша и проверки стабильности проекта. Через полгода мы аккуратно объявляем о «непреодолимых разногласиях в видении будущего», цивилизованно расходимся, разделяя активы, но сохраняя бизнес-партнерство. К тому моменту обе компании будут на плаву с твердой оценкой капитализации.

Я бегло просматривала пункты договора. Строгие юридические формулировки, штрафные санкции, взаимная ответственность. Все было выверено с хирургической точностью. Дойдя до четвертой страницы, я замерла.

— Пункт 4.3... — я подняла на него возмущенный взгляд. — «Стороны обязуются организовать совместное проживание на единой жилой площади с момента подписания настоящего договора»?! Ты издеваешься?!

— Служба безопасности Самойлова возглавляется бывшим полковником ФСБ, — невозмутимо парировал Марк. — Они проверяют геолокации, опрос консьержей и счета за

коммунальные услуги. Если мы будем жить порознь, нас раскусят на третий день. Ты переезжаешь ко мне. Мой лофт на Красном Октябре — триста квадратных метров. У тебя будет своя спальня, отдельная ванная и рабочий кабинет. Пересекаться будем только на кухне и перед камерами.

— Я не буду спать под одной крышей с человеком, которого презираю.

— Придется потерпеть, Соколова. Либо лофт, либо общежитие для банкротов. Выбирай.

Я прикусила нижнюю губу почти до крови. Логика Марка была безупречной и отвратительной одновременно. Выхода не было. Ловушка захлопнулась, и ключи от нее держал человек, разрушивший мою веру в честный бизнес.

— Еще один пункт, Логинов, — мой голос зазвенел сталью. — Впиши его от руки прямо сейчас. Личные границы. Никаких прикосновений вне камер и глаз инвесторов. Никаких попыток сократить дистанцию. Никаких иллюзий. Это — чистый расчет. Если ты хотя бы раз позволишь себе лишнее...

Марк перехватил мой взгляд. На его губах заиграла едва уловимая, опасная полуулыбка, в которой читался вызов.

— Не льсти себе, Алина. Ты талантливый разработчик, но как женщина ты для меня — ходячий свод правил и вечной головной боли. Мне нужны деньги Самойлова, а не твоя благосклонность.

Он взял ручку и размашистым, твердым почерком впи-

сал в конец страницы: «Пункт 8.5. Любые проявления личной симпатии и физического контакта вне рамок публичных мероприятий категорически запрещены. Нарушение влечет расторжение договора в одностороннем порядке без права компенсации». Затем проделал то же самое во втором экземпляре — и мы оба, не сговариваясь, поставили рядом с правкой короткие визы, словно малолетние расхитители подписывали кровный пакт.

Марк расписался внизу, оставив черную размашистую закорючку, и протянул ручку мне.

— И последнее, — добавил он, пока я держала ручку. — Пункт девять-один. Условия настоящего соглашения конфиденциальны. Полностью. Разглашение любой стороной — неустойка, расторжение, никакой компенсации. Если хоть одна строчка этого договора всплывет, нам обоим конец.

Я смотрела на белый лист. Это была капитуляция перед обстоятельствами, сделка с дьяволом, билет в персональный ад на ближайшие полгода. Но за этим адом стояло спасение дела всей моей жизни.

Я перехватила ручку. Мои пальцы коснулись его пальцев — сухих, горячих. По телу пробежал странный, колющий электрический разряд, заставивший сердце пропустить удар. Я резко отвела руку, сделала глубокий вдох и поставила свою подпись.

— Поздравляю, партнер, — Марк забрал свой экземпляр, аккуратно постучав стопкой бумаг по столу. — Завтра в де-

сять утра у тебя под окнами будет стоять машина с грузчиками. Вещи собери сегодня ночью. И купи приличное вечернее платье. В четверг Самойлов устраивает закрытый благотворительный вечер для финалистов. Там мы и объявим о нашей неземной любви.

Он поднялся, накинул пиджак и, не оборачиваясь, направился к выходу.

Я осталась сидеть одна перед остывшей чашкой эспрессо. За панорамным окном над набережной висел мокрый ноябрьский снег, и было что-то знакомо-неотвратимое в том, как он падал: так же молча и так же неотвратимо рушилась вся моя прежняя жизнь. Бумаги холодили ладонь через тонкую папку. Рубикон был перейден. Оставалось только молиться, чтобы пламя этой фальшивой игры не сожгло меня дотла раньше, чем на счет упадут первые миллионы.

Глава 3

Общий периметр

Грузчики в темносиних комбинезонах действовали с пугающей эффективностью похоронной команды. Четыре больших картонных короба с книгами по машинному обучению, два чемодана с деловой одеждой, дорожная сумка с косметикой и монитор с диагональю двадцать семь дюймов, заботливо укутанный в пупырчатую плёнку, — вся моя прошлая жизнь уместилась в кузов одного стандартного фургона.

Когда тяжёлая бронированная дверь лофта на Берсеневской набережной, на Красном Октябре, захлопнулась за последним рабочим, в помещении воцарилась гулкая, давящая тишина.

Я осталась стоять посреди огромной прихожей, не решаясь даже разуться.

Лофт Марка Логинова напоминал декорацию к фильму о гениальном затворнике с маниакальными наклонностями. Потолки высотой под пять метров, обнажённая вековая кирпичная кладка терракотового оттенка, чугунные радиаторы и панорамные окна во всю стену, за которыми медленно ворочалась свинцовая Москварека и взрезал небо серый си-

луэт храма Христа Спасителя. Пространства было столько, что здесь можно было развернуть минитипографию или запустить дрон, но дышать мне сразу стало трудно.

Воздух был пропитан запахом Марка — смесью горького чёрного кофе, дорогого табака, цитрусового одеколона и сухого, перегретого серверными стойками озона.

— Добро пожаловать в тюрьму строгого режима, — раздался насмешливый голос откудато сверху.

Я вскинула голову.

Марк стоял на металлической галерее второго яруса, опершись на перила. На нём были выцветшие серые тренировочные штаны и мятая чёрная футболка с полустёртым логотипом хакатона пятилетней давности. Босой, со спутанными влажными волосами после душа и полупустой кружкой в руке, он выглядел абсолютно не похожим на того выглаженного корпоративного волка, который накануне расчерчивал мою жизнь на пункты и параграфы.

— Я надеялась, что твоя мания величия хотя бы гарантирует порядок, — сухо бросила я, оглядывая пол у своих ног.

Прямо передо мной валялась пара разномастных кроссовок, свёрнутый провод зарядного устройства от ноутбука и пустая коробка изпод тайской лапши, покрытая засохшими каплями соуса шрирача.

Марк спустился по винтовой чугунной лестнице. Ступени под его шагами глухо позвякивали.

— Это не беспорядок, Соколова. Это контролируемый ха-

ос рабочего процесса. Твоя территория — правое крыло. Спальня, гардеробная и ванная с душевой. Кабинет делим по графику, если потребуется, но у тебя в комнате стоит стол. На кухне действует одно правило: мою кофемашину трогать только после того, как научишься засыпать зёрна правильного помола. Иначе останешься без кофеина на весь период фиктивного брака.

— Переживу. У меня с собой капельная, — я демонстративно подтянула к себе ручку чемодана на колёсиках. — И первое, что я сделаю, — найму клининг. Жить на складе цифровых отходов я не намерена.

— Никакого клининга, — отрезал Марк, мгновенно растеряв расслабленность. Его взгляд стал острым и колючим. — Я предупреждал вчера: никаких посторонних. На моём домашнем сервере крутятся преальфа билды нового интерфейса — закрытого проекта, который я сам называю «Синтез». Если хоть один скриншот утечёт в сеть до релиза, Корнилов сожрёт нас без соли. Уборка — по очереди. Посудомойку загружать умеешь, надеюсь? Докторская степень по алгоритмам не атрофировала базовые моторные функции?

Я сжала зубы так, что челюсть свело судорогой.

— Мои моторные функции в полном порядке, Логинов. В отличие от твоего чувства субординации. Напоминаю: мы равноправные партнёры, а не барин и бесправная приживалка.

— Вот и отлично. Равноправие начинается с распаковки

коробок. Твоя комната прямо по коридору, вторая дверь направо. Пароль от гостевого вайфая на роутере. К рабочей сети доступа не дам, даже не проси.

Он развернулся и зашагал обратно к своей рабочей зоне, где на длинном дубовом столе мерцали три огромных монитора, заваленные окнами с зелёными строками консолей и графиками распределения серверов.

Я шумно выдохнула через нос, подхватила чемодан и потащила его по гладкому наливному полу.

Моя новая спальня оказалась на удивление нейтральной: широкая кровать с жёстким матрасом, белоснежное бельё без единой складки, тяжёлые шторы блэкаут и массивный письменный стол у окна. Никаких следов женского присутствия. Ни одного забытого флакона духов, ни чужой заколки на прикроватной тумбочке. Абсолютная, стерильная пустота гостиничного номера. Это принесло странное, иррациональное облегчение: по крайней мере, мне не придётся делить пространство с призраками его прошлых подруг.

Следующие три часа прошли в монотонной, изнуряющей работе. Я методично развешивала строгие брючные костюмы и шёлковые блузки, расставляла по полкам тяжёлые тома по нейросетям и архитектуре баз данных. На душевую полочку встали мои привычные баночки с кремами и сыворотками с едва уловимым запахом вербены и зелёного чая — единственная слабость, которую я себе позволяла. Вечернее платье в пол, купленное вчера ночью в круглосуточном бу-

тике, я повесила в самый дальний угол гардеробной — как минимум до вечера я не хотела о нём вспоминать.

К двум часам дня спина ныла от тяжестей. Я вышла в общее пространство, рассчитывая налить стакан воды, и замерла на пороге.

Марк сидел в центре гостиной в расстёгнутой до середины груди рубашке, с зажатой между плечом и ухом гарнитурой, яростно печатая одной рукой на клавиатуре, а второй жестикулируя перед вебкамерой.

— ...я сказал, дропайте базу до бэкапа от шестнадцати нольноль! — рычал он в микрофон, не замечая меня. — Если клиент увидит просадку по сессиям хоть на полпроцента, я сниму премию со всего бэкендотдела! Костя, включи мозги, мы не в песочнице!..

Он поднял глаза, наткнулся на застывшую в дверях меня — в домашних мягких леггинсах и объёмном свитере с подвернутыми рукавами — осекся на полуслове, но взгляда не отвёл. Напротив: его глаза скользнули по моей фигуре, впервые лишённой брони строгого жакета от кутюр, задержались на тонких щиколотках и открытой шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.